

РАЗВОРОТ

ФОТО НАТАЛЬЯ ДАВЫДОВА

Василий Церетели

Исполнительный директор Московского музея современного искусства, советник министра культуры РФ по вопросам музейной деятельности, куратор российского павильона на Венецианской художественной биеннале, вице-президент Российской академии художеств. Художник, график, фотограф, автор инсталляций и продюсер, Василий Церетели учился современному искусству в престижных Parson

School of Design и Высшей школе визуального искусства в Нью-Йорке. Вернувшись в Россию, активно принялся за обустройство русского художественного ландшафта. В 2007 году стал инициатором и продюсером проекта «Верю!» — выставки, с которой, по сути, начался арт-центр «Винзавод» и которая ознаменовала серьёзные изменения в московском выставочном пространстве.

Мы видим, что создаются арт-банкинги. То есть ещё один сегмент, куда можно вложить деньги, — это художественные коллекции. Конечно, для этого необходимо привлекать хороших специалистов, которые могут сделать грамотный консалтинг, объяснить ценность произведений и обосновать их стоимость.

Почему люди вкладывают деньги в произведения Аниша Карупа? Почему у Владислава Доронина в «Городе Столиц» выставлены картины художников мирового уровня? Безусловно, это в том числе инвестиции, их диверсификация.

Если смотреть с этой точки зрения, мы видим, что произведения искусства последних 50 лет дают стабильный прирост более 20% ежегодно, даже в кризис. Конечно, эти вложения трудно отнести к быстроликвидным, ведь следует осознавать, что, если тебе потребуются финансы, ты не сможешь сразу продать того же Пикассо. Но люди понимают, что если у тебя есть «долгие деньги», подобные инвестиции — это и статус, и уровень твоего интеллекта. Потому что когда ты собираешь классическое искусство, это очень хорошо, но когда ты собираешь искусство последних 50 лет — это уже совершенно другой уровень интеллекта и образ мышления.

— Если говорить об искусстве как о способе инвестиций... Какие имена можно отнести к «голубым фишкам»? Чьи произведения максимально котируются?

— Тот, кто собирает коллекцию ради инвестиций, обычно подходит к этому как к формированию инвестиционного портфеля. Составляется портфолио, в котором есть blue chips, имена из галерей первого ряда.

Конечно, в России рынок произведений искусства находится в зачаточном состоянии, но, к счастью, уже есть с чего начинать: есть два-три десятка признанных галерей, коллекционеры, аукционы. Это, например, Российский аукционный

дом, «Филлипс де Пюри», «Кристис», «Сотбис», MacDougall's — то, что позволяет вписывать наше искусство в мировой контекст.

Безусловно, если ориентироваться на инвестиции и «голубые фишки», то нужно обращать внимание на имена авторов, чьи работы есть в музеях и которые в последнее время выставались на российских и международных выставках. На мой взгляд, это порядка 50–100 художников, работы которых регулярно экспонируются и находятся в коллекциях Московского музея современного искусства, Третьяковской галереи и других, вплоть до Центра Помпиду.

Если совсем кратко, нужно обращать внимание на статус музеев и частоту выставляемости художника. Это примерно так же, как доверять компании, акциями которой владеют авторитетные фонды и которую рекомендует уважаемое рейтинговое агентство.

Если ориентироваться на мнение специалистов, риск подобных инвестиций минимален. Всё это можно перевести на понятные цифры, на внятный рыночный сегмент. Только, в отличие от ценных бумаг, за этим стоят живые люди и их произведения.

— А есть ли риск того, что вся известность и именитость художника окажутся только хорошей раскруткой?

— Сразу хочу развеять миф о том, что любого художника можно раскрутить и продать его работы на самом крупном аукционе. Это неверно, потому что цена произведения растёт в зависимости от спроса на него, а аукцион — всего лишь вторичный рынок. Так, когда стоимость работы, предположим, 1 тыс. руб., а её пытаются продать за сотни тысяч, она, возможно, один раз уйдёт с молотка, но второй раз этого уже не случится. Потому что если Дэмиен Херст уходит за большие деньги и цены на его произведения продолжают расти, значит, есть реальный спрос.

А мнение о том, что любого можно раскрутить, — это миф. Один раз раскрутили, но завтра всё это рухнет, потому что поддерживать такой уровень постоянно нереально. Да и художник, раскрученный таким образом, очень быстро иссякнет в творчестве, закончится запас его слов в искусстве. Это то же самое, как раскрутить певца, поющего под фонограмму... и отправить его на Евровидение петь вживую. Конечно, он этого не сможет. Поэтому надо доверять определённому кругу специалистов, экспертов, за ними стоят репутация и опыт.

— Вы руководите Московским музеем современного искусства с 1999 года. Недавно за его ребрендинг вас признали самым влиятельным человеком в российском современном искусстве. Что вы считаете главной функцией музея в нынешней ситуации?

— Одна из самых важных задач музея — это образование зрителя, воспитание его художественного вкуса, в частности для нас — формирование у публики восприятия современного искусства. Другая основополагающая функция — это коллекционирование и сохранение накопленного для передачи его будущим поколениям.

Сейчас мы сознательно собираем и поддерживаем российское искусство, так как я считаю, что оно в этой поддержке нуждается. К сожалению, после распада Советского Союза не выстроились те механизмы, которые должны достойным образом помогать искусству, а без этого, как мы уже говорили, нет развития общества. Поэтому если мы заинтересованы в развитии российского общества и гражданина-патриота, который будет не просто существовать, а создавать историю и оставлять след в этой жизни, то мы должны уделять должное внимание нашему искусству, культуре и традициям.

— Что вы можете сказать о развитии искусства в регионах?

— Раньше региональные проекты по уровню развития сильно отставали от федеральных. Но на сегодняшний день ситуация меняется в лучшую сторону. Так, например, в Красноярске проходит Индустриальная биеннале, в Нижнем Новгороде, Самаре и других городах открываются музеи современного искусства. Нас уже давно не удивляют музеи в малых городах Европы, так почему же у нас этого не должно быть? Главное — есть плацдармы, места, где люди творят, создают, и это не может не радовать.

В Перми Музей современного искусства открылся по инициативе Сергея Гордеева, бывшего на то время сенатором, и Марата Гельмана. И в результате мы имеем огромный, живущий своей жизнью проект, о котором говорит вся страна и не только. На сегодняшний день по городам и странам уже распространилась информация о Перми как о месте, где разворачиваются интересные события. Люди знают о Перми, Пермь на слуху, многие хотят туда поехать. И когда это связано с современным искусством, с театром, фестивалем — значит, это прогрессивное место. А раз это прогрессивное место — следовательно, сюда можно вкладывать деньги.

— И всё-таки очень часто современное искусство воспринимается как что-то экстремальное.

— К сожалению, иногда люди пытаются судить об актуальном искусстве, совершенно не зная, не понимая этот язык. Когда смотришь на любое произведение, то воспринимаешь его через призму своих собственных ценностей и мироощущения. Но нужно учиться понимать художника, идею, которую он хотел донести. Поэтому, в первую очередь, важно, чтобы человек воспитывал своё восприятие и был открыт новому. ■